

Куангнам, Куангнгай, Биньдинь, Фуйен, Биньхоа, Биньтхуан, Зядинь, Фынчэн, Чэнбьен, Чэндинь, Виньчэн, Хатьен, Куангчи, Куангбинь, Нгеан, Тханьхоа, Тханьбинь, Бактхань, Шоннамтхыонг, Шоннамха, Шонтэй, Киньбак, Хайзыонг, Йенкуанг, Тхайнгуен, Хынгхоа, Туйенкуанг, Лангшон, Каобанг, но где якобы не упоминаются острова Хонгша и Чыонгша — лучше воздержаться.

⁷⁴ DNTL, t.IV, с. 313.

⁷⁵ Phan Huy Chú. Lịch triều hiến chương loại chí. tập. I Du địa chí, Hà Nội, 1960, с. 137.

⁷⁶ DNTL, t.XIII, с. 52—53; См. Мурашева Г.Ф. Острова Южно-Китайского моря. В кн. Формирование границ Китая, М., 1977, с. 194.

⁷⁷ DNTL, t.XIII, с. 52—53.

⁷⁸ DNTL, t.XIV, с. 189.

⁷⁹ DNTL, t.XIV, с. 189.

⁸⁰ DNTL, t.XVI, с. 309. См. также Võ Long Tê, ук. соч. с. 104, 115.

⁸¹ DNTL, t.XVIII, с. 30.

⁸² DNTL, t.XVIII, с. 30.

⁸³ DNTL, t.XVIII, с. 31.

⁸⁴ DNTL, t.XVIII, с. 31.

⁸⁵ DNTL, t.XVIII, с. 31. См также Võ Long Tê, ук. соч. с. 110—111.

⁸⁶ DNTL, t.XVIII, с. 330.

⁸⁷ DNTL, t.XX, с. 183.

⁸⁸ DNTL, t.XXI, с. 145.

Е.В. Кобелев

БАО ДАЙ, ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР ВЬЕТНАМА (Исторический очерк)

В 1945 году в результате победы Августовской революции во Вьетнаме был ликвидирован монархический режим, представитель правящей династии Нгуенов император Бао Дай отрекся от престола. До начала реализации в Социалистической Республике Вьетнам политики «дой мой» — обновления (1986 г.) имя Бао Дая редко встречалось в исторической и мемуарной вьетнамской литературе. Однако в последние годы, по мере расширения гласности и открытости во вьетнамском обществе, появилось довольно много книг и публикаций, в которых подробно и вполне объективно прослеживается жизнь последнего императора Вьетнама, которая была насыщена невероятным политическим многообразием и авантюрными приключениями.

Во второй половине XIX века Вьетнам, которым до этого с начала XIX века правила династия Нгуенов, был завоеван Францией и включен в состав французского Индокитайского союза, в который вошли также соседние Камбоджа и Лаос. Следуя колониальному принципу «разделяй и властвуй!», Франция расчленила Вьетнам на три части, получившие различный статус. Намки (Южный Вьетнам), завоеванный самым первым, стал колонией Франции под названием Кохинхина. Он управлялся непосредственно французскими властями — губернатором и администраторами провинций. Бакки (Северный Вьетнам) и Чун-

жки (Центральный Вьетнам), которые назывались в течение всего колониального периода соответственно Тонкин и Аннам, получили статус протекторатов. Формально там была сохранена местная вьетнамская администрация, а в столице династии Нгуенов городе Хюэ — даже императорский двор. Однако и в этих протекторатах все действия вьетнамских властей полностью контролировались и направлялись французскими «верховными резидентами».

Сохранив, пусть хотя бы и формально, власть династии Нгуенов, с которой вьетнамский народ инстинктивно связывал свои горькие воспоминания о независимом и великом прошлом Вьетнама, колонизаторы рассчитывали использовать авторитет вьетнамских монархов в целях скорейшего и бескровного умиротворения завоеванной страны. Однако поначалу этим расчетам не суждено было сбыться. Уже в 1885 году весь Вьетнам был охвачен патриотическим освободительным движением, которое получило название «*кан выонг*» («в поддержку императора») и во главе которого встали малолетний император Хам Нги и его регент Тон Тхат Тхюет.

Основной опорой антифранцузского сопротивления стала своеобразная социальная группа той поры, доминировавшая прежде всего во вьетнамской деревне, — феодальное ученое сословие. Представителей этой группы по традиции было принято называть «*nho si*» — конфуцианцами, так как они были последователями учения Конфуция, которое проникло во Вьетнам из Китая и с XV века стало официальной религией и идеологией вьетнамских феодальных династий. Однако, считают современные вьетнамские историки, название это не совсем верно, так как на вьетнамской почве учение Конфуция подверглось сильному воздействию местных национально-патриотических традиций и идеалов и приобрело совершенно несвойственные ему изначально прогрессивные черты.¹

«Великий святейший Конфуций (за 551 год до Иисуса Христа), — писал в 1921 году в одном из французских журналов молодой Хо Ши Мин, — стал зачинателем идеи всеобщего согласия и теории имущественного равенства людей. Если сформулировать коротко, то святейший говорил: Основы мирной

жизни на этом свете могут произрастать только из основ всеобщего согласия среди людей. Люди не боятся нужды, они боятся только несправедливости».²

Действительно, если китайские феодальные завоеватели и их вьетнамские союзники стремились к утверждению наиболее реакционных черт конфуцианства, а именно: преклонение перед властью, консерватизм, догматизм, схоластические формы просвещения и т. п., то патриотически настроенные и прогрессивно мыслящие представители вьетнамской феодальной интеллигенции делали упор на имевшиеся в конфуцианстве рациональные, позитивные по тем временам элементы. Более того, они шли еще дальше, приспособлявая конфуцианство к нуждам национально-освободительной борьбы вьетнамского народа, преобразовывая его в национально-патриотическое по духу, а зачастую даже антимонархическое учение. Вот почему во Вьетнаме в 15–19 веках исторически сложилась такая необычная, на первый взгляд, ситуация, что именно *nho si* становились национальными героями, вождями освободительных войн, руководителями или участниками крестьянских восстаний.

Особенно наглядно проявился специфический характер «вьетнамского конфуцианства» с приходом французских колонизаторов. Именно *nho si* были основной опорой вьетнамской монархии, пока ее представители находились во главе борьбы против колонизаторов. В противоположность католицизму, носителями которого были колонизаторы, конфуцианство воспринималось в эти годы как символ всего исконно вьетнамского.

Только к концу XIX века движение «кан выонг» было подавлено колонизаторами, а плененный Хам Нги был сослан в Алжир под надзор местных французских властей. Но на этом противостояние колонизаторов с династией Нгуенов отнюдь не закончилось. В 1916 году патриотическая организация «Общество возрождения Вьетнама», которой руководили принц Кыонг Дэ и один из самых видных патриотов-националистов Фан Бой Тяу, подготовила план всеобщего восстания во главе с императором Зюй Таном, который в знак протеста против политики французских властей бежал из своего дворца в Хюэ, повторив тем самым путь мятежного императора Хам Нги. Однако это

восстание также было жестоко подавлено, император Зюй Тан был захвачен в плен и отправлен в ссылку в далекое африканское владение Франции — на остров Реюньон. В сентябре 1916 года на престол взошел 12-й по счету монарх династии Нгуенов — Кхай Динь.

После стольких лет безуспешных попыток поставить вьетнамских монархов на службу своим колониальным интересам перед французскими властями во Вьетнаме со всей серьезностью встал судьбоносный вопрос: как приручить представителей династии Нгуенов, как сделать их эффективным орудием успешного проведения колониальной политики?

В первой четверти XX века в министерство колоний Франции поступали десятки предложений, прежде всего от генерал-губернаторства в Ханое, от верховного резидента в Хюэ и от губернатора в Сайгоне, по поводу того, как этого добиться. В конце концов превалирующей стала следующая точка зрения: необходимо с детских лет полностью «офранцузить» престолонаследника, чтобы затем на престол в Хюэ воссел неоспоримый вьетнамец по крови, но истинный француз по духу. Впервые эта идея четко прозвучала в письме генерал-губернатора Индокитая Альбера Сарро верховному резиденту Аннама после рождения наследника у императора Кхай Диня.

«Император Кхай Динь, возведенный нами на престол, — писал А. Сарро, — послушный монарх, однако слабохарактерный и заурядный человек, он не пользуется симпатиями народа и, особенно, сословия “*nho si*”, которые все еще грезят о тех монархах династии Нгуенов, которые находятся в изгнании. В этих условиях первоочередная задача власть предержащих в Аннаме сегодня — это подготовить нового монарха, который отвечал бы цивилизаторской миссии Франции. Только что родившийся младенец — престолонаследник — это для нас прекрасное событие, которым мы должны воспользоваться и воспитать из него верного сына нашей матери-родины. Мы полагаем, что когда он подрастет до школьного возраста, надо будет отправить его на учебу во Францию — при этом чиновники аппарата верховного резидента обязаны держать в поле зрения воспитание будущего императора, в частности, подбирать ему

таких воспитателей как при дворе, так и вне его, которых мы могли бы контролировать».³

Итак, выбор французов пал на сына Кхай Диня наследного принца Винь Тхюи, который впоследствии, став императором, взял себе имя Бао Дай. Он родился 22 октября 1913 года в императорской столице Вьетнама — городе Хюэ. 8 марта 1922 года, когда ему исполнилось 9 лет, его отец император Кхай Динь присвоил ему титул наследного принца, иными словами назвал имя следующего, тринадцатого по счету, императора династии Нгуенов. На Востоке цифра 13 не считается такой мистической, как в Европе. Вместе с тем, нельзя не обратить внимания на весьма зловещее предзнаменование — последний император Вьетнама и родился в 13 году XX столетия, и был по счету 13-м монархом династии Нгуенов.

В июне 1922 года в Марселе открылась французская колониальная выставка. На ней демонстрировались достижения цивилизаторской деятельности Франции в ее колониях. Наиболее широко был представлен Индокитай, который помпезно именовался жемчужиной в короне французской колониальной империи. У посетителей выставки вызывали неподдельный интерес макеты камбоджийских храмов Ангкора, древних вьетнамских буддийских пагод, «36 старинных улиц» Ханоя.⁴

Однако самой главной «достопримечательностью» выставки стал вьетнамский императорский двор, который французские власти доставили в Марсель ко дню ее открытия. Вечером 21 июня в марсельский порт вошел пароход «Портос», на его мачте развевался шелковый треугольник оранжевого цвета с двумя красными полосами — флаг императорской династии Нгуенов. По убранному цветами белоснежному трапу спустился на причал император Кхай Динь. Перед встречающей публикой он предстал в традиционном для вьетнамских императоров облачении: на голове — золотистый тюрбан, на плечах — длинное шелковое платье, вытканное причудливыми фигурами драконов. За ним по трапу сошел вниз девятилетний наследный принц Винь Тхюи. У трапа почетных гостей встречал министр по делам колоний Франции Альбер Сарро. Отвечая на его приветствие, Кхай Динь напыщенно заявил: «Франция — наш учи-

тель, она ведет нас в будущее. Из тесного пожатия наших рук рождаются добрые чувства, и обе наши страны дружной поступью идут вперед единой дорогой...»⁵

Кхай Динь пробыл во Франции почти два месяца и 14 августа 1922 года отбыл во Вьетнам, при этом оставив наследного принца Винь Тхюи в Париже. Так началась весьма сложная и деликатная операция французской колониальной администрации по «офранцуживанию» будущего вьетнамского монарха. Одним из главных исполнителей этой операции стали бывший верховный резидент Франции в Аннаме Charles (Шарль) и его супруга. Они поселили вьетнамского мальчика в своем особняке на улице Бурдоннэ в Париже, где ему был предоставлен отдельный домик. По настойчивому требованию Кхай Диня из Вьетнама в Париж был прислан учитель по вэньяню — древнекитайскому языку и по «*куок нгы*» — недавно введенной колониальными властями латинизированной письменности вьетнамского языка.

Но главной задачей Винь Тхюи было все-таки получение классического французского образования. Вначале его определили в известный лицей Condorcet, а после его окончания — в Ecole libre des Sciences Politiques (Свободную школу политических наук). Это аристократическое учебное заведение было создано в Париже специально для обучения будущих монархов и туземных работников высшего звена колониальной администрации многочисленных колоний Франции в Африке и Азии. После занятий, когда мальчик возвращался домой, супруги Шарль организовывали для него дополнительные занятия: изучение классической музыки, обучение игре на гитаре, занятия спортом, прежде всего теннисом, вождение автомобиля, стрельба из винтовки и даже обучение классическим танцам с французскими девочками-сверстницами.

По тем временам все эти занятия, особенно спорт и вождение автомобиля, были настоящей революцией для представителей вьетнамской монархии. На фотографиях тех лет на Винь Тхюи чаще всего можно было увидеть спортивную майку и шорты или кожаную куртку и шлем автомобилиста. Он чурался вьетнамских национальных одеяний и в свободное от спортив-

ных занятий время одевался скорее как французский киноартист, и это ему очень шло, так как он был красив лицом и для вьетнамца довольно крупный и высокого роста. Однако позднее, когда он вернулся во Вьетнам, оппозиционные вьетнамские газеты с возмущением писали по этому поводу, что французы сделали из вьетнамского монарха какого-то «дэнди».

Особенно страстно молодой Винь Тхюи любил быть за рулем автомобиля. Уже в 16 лет в его распоряжении имелось несколько автомашин различных марок. Особое предпочтение он отдавал скоростным машинам, на которых «лихачил» по улицам Парижа или мчался по автотрассам в курортные города — Канны и Довиль.

В 1924 году, когда Кхай Диню исполнилось 40 лет, Тайный совет двора в Хюэ принял решение организовать «великие торжества» по случаю юбилея императора. Колониальная администрация выделила на это большие деньги и, чтобы в торжествах принял участие и наследный принц, поручила Шарлю доставить Винь Тхюи в город Хюэ. На этих торжествах мальчик был одет в длинное золотистое платье, в котором, согласно традиции, появлялись перед народом вьетнамские монархи. После окончания торжеств Винь Тхюи в сопровождении супругов Шарль, которых уже называли приемными родителями мальчика, снова отбыл во Францию, чтобы, как писали вьетнамские газеты, продолжать осваивать профессию монарха. Но жизнь есть жизнь: так удачно проходивший процесс «офранцуживания» будущего вьетнамского императора прервался самым неожиданным образом. 6 ноября 1925 года из Хюэ пришла скорбная весть о неожиданной кончине на 41-ом году императора Кхай Диня. Винь Тхюи вынужден был прервать учебу в Париже и срочно отбыть в Хюэ, где 8 января 1926 года он был возведен на престол императора под именем Бао Дай. Было ему тогда всего 13 лет.

Церемония возведения на престол юного императора была организована весьма торжественно. Кроме, естественно, всех членов Тайного совета, в ней приняли участие тогдашний генерал-губернатор Французского Индокитая Александр Варенн, верховный резидент Аннама Пьер Паскье и, разумеется, «приемные родители» Винь Тхюи — супруги Шарль. На церемонии

новый монарх впервые в своей жизни выступил с официальной речью: «Следуя старинным обычаям династии Нгуенов, добрым намерениям правительства протектората, а также искренним мольбам служителей королевского двора и всех простых людей, Мы, Государь, заявляем о том, что готовы наследовать престол нашего Отца-императора. Однако, согласно его повелению, Мы вернемся во Францию для продолжения учебы, чтобы в один из дней стать достойным той миссии, которую Небо возложило на Нас. В период своего отсутствия Мы будем всемерно полагаться на правительство протектората, будем тесно сотрудничать с династией Страны Юга, чтобы как можно скорее создать стабильное и мирное императорское правление. Это наше самое глубокое желание».⁶

17 ноября 1926 года Бао Дай подписал указ о временной передаче императорской власти правительству протектората. Кроме того, по указанию колониальных властей он также подписал указ о создании временного Регентского совета, который возглавили «регент его величества» Нгуен Хыу Бай и председатель Совета старейшин Тон Тхат Хан.

Еще почти шесть лет юный монарх находился за пределами своей родины. А в ней в эти годы происходили грандиозные события, потрясшие самые основы колониального режима. К концу 1930-х годов большой размах приобрела революционная деятельность «вьетнамского гоминьдана» — Национальной партии Вьетнама, во главе которой стоял неистовый антиколониалист Нгуен Тхай Хок. В начале 1929 года в Ханое боевики его партии совершили покушение и убили крупного чиновника французской администрации Базэна, который занимался вербовкой вьетнамской рабочей силы для французской Новой Каледонии. В феврале 1930 года Национальная партия подняла вооруженное восстание в провинции Иенбай (Тонкин). Плохо подготовленное восстание потерпело сокрушительное поражение, и десятки его участников сложили головы на гильотине.

Вскоре после этого французская охранка установила основное местопребывание штаб-квартиры партии и ее руководства в одной из деревень провинции Хайзыонг (Тонкин). Деревня была подвергнута бомбардировке с воздуха, а лидер партии Нгу-

ен Тхай Хок был захвачен в плен живым. В 1931 году Нгуен Тхай Хок и 12 его сотоварищей были гильотинированы в тюрьме города Иенбай.

В конце 1930 года в двух провинциях Центрального Вьетнама — Нгеан и Хатинь начались массовые выступления крестьянства против колониальных порядков. Руководила ими созданная Нгуен Ай Куоком (Хо Ши Мином) 3 февраля 1930 года Коммунистическая партия Индокитая (КПИК). В 116 деревнях обеих провинций были созданы по примеру российских трудящихся Советы — первые во Вьетнаме органы народно-революционной власти. Нгетиньские Советы, как их называли в народе, были в течение почти года, пока их не подавили колонизаторы, островками свободы и независимости в колониальном Индокитае. Советы полностью ликвидировали на местах колониальный административный аппарат, изгнали из сел феодалов, крупных помещиков, старост. «Хотя движение Нгетиньских Советов было потоплено в крови, — отмечал впоследствии Хо Ши Мин, — оно навсегда останется свидетельством героизма и боеспособности трудящихся масс Вьетнама; оно способствовало рождению сил, которые впоследствии совершили Августовскую революцию»⁷.

Наконец, и в самой Франции все напоминало драматические события в Индокитае. В 1932 году, за несколько месяцев до возвращения Бао Дая на родину, в Париже русским белоэмигрантом Горгуловым было совершено убийство президента Франции Поля Думера, который, кстати, в 1896—1902 годах был генерал-губернатором Индокитая. Естественно, Бао Дай как вьетнамский император должен был принять непосредственное участие в организованных властями траурных мероприятиях по этому скорбному случаю.

Тем временем обеспокоенные размахом революционных выступлений во Вьетнаме, особенно в Тонкине, колониальные власти начали настойчиво выступать перед Парижем с инициативой поскорее вернуть молодого вьетнамского монарха на родину, рассчитывая, что его присутствие и «передовые формы» правления помогут успокоить вьетнамские политические круги и общественное мнение.

Особенно большую активность в этом проявлял секретарь Колониального совета в Ханое некий г-н Шатель, который буквально забросал алармистскими письмами министерство колоний Франции. Пытаясь «угovorить» министерство, мсье Шатель рисовал в своих письмах весьма живописные картины, как надо организовать приезд молодого монарха во Вьетнам. По его словам, это можно сделать подобно тому, как «Цезарь после очередной победы возвращался в Рим или как Наполеон в Париж после победы при Аустерлице». Накануне приезда Бао Дая, писал мсье Шатель, надо организовать во Вьетнаме мощную пропагандистскую кампанию восхваления молодого монарха, заполнить всю страну его красиво оформленными портретами, поручить самым известным вьетнамским композиторам написать песни, прославляющие его славные деяния, снять полнометражный документальный фильм о «горячей встрече его вьетнамским народом», который потом демонстрировать в кинотеатрах во всех крупных городах колоний⁸.

Однако в своих письмах мсье Шатель не учитывал одного серьезного обстоятельства. Бао Дай много лет прожил в Париже, у него была там каждодневно масса развлечений, к которым он уже привык и без них не мыслил свою жизнь. В душе он, по-видимому, уже не воспринимал Вьетнам как свою родину, это было всего лишь смутное воспоминание детства. Поэтому всякие разговоры о возвращении в Хюэ воспринимались им как попытка переместить его «из рая в ад».

Таким образом, возникла весьма серьезная проблема — как уговорить юного, а потому старавшегося казаться независимым, монарха согласиться на срочное возвращение на родину. С этой целью, наряду с мсье Шателем и супругами Шарль, в ход было пущено тяжелое оружие: в разъяснительную работу с юношей включились министр колоний, министр иностранных дел и даже сам президент Франции. В конце концов Бао Дай сдался, но выговорил для себя условие, что он будет иметь возможность приезжать в Париж в любое время, когда у него возникнет желание.⁹

Здесь нельзя не обратить внимания на то, что один из биографов Бао Дая Даниэль Гранклеман отыскал в архивах фран-

цузской полиции сведения о том, что «агенты Коминтерна» якобы проявляли серьезный интерес к судьбе молодого вьетнамского монарха. Так, по его словам, как только стало широко известно о предстоящем возвращении Бао Дая во Вьетнам, министерство колоний получило донесение от филера охраны о том, что в доме № 120 по улице Шатодэн состоялось тайное совещание Комиссии по вопросам колоний ЦК Французской компартии, в котором приняли участие один француз и семь вьетнамцев.

В повестке дня совещания стоял вопрос: «Возвращение императора Бао Дая на родину и возможности покушения на него». Все участники заявили о поддержке идеи убийства Бао Дая. Одному вьетнамцу по имени Фам Ван Диеу было поручено выполнить акт смертной казни Бао Дая в Париже. Если же эта акция не удастся, другому вьетнамцу по имени Нгуен Динь Тинь (партийная кличка «Блинов»)¹⁰ было поручено попытаться убить его, когда он будет подниматься по трапу на пароход¹¹. Хотя указанное донесение выглядит вроде бы правдоподобно, отнюдь нельзя исключать того, что оно было специально сфабриковано парижской полицией, чтобы припугнуть Бао Дая и ускорить его отъезд, а заодно и лишний раз показать французскому обывателю, как далеко протянулись «щупальца» Коминтерна.

Параллельно возникла и другая не менее опасная проблема. Стало известно о письме министерства колоний от 24 января 1926 года, в котором утверждалось, что Бао Дай не сын императора Кхай Диня, а ребенок одной из наложниц двора, зачатый от какого-то сановника династии. Французским властям в Индокитае пришлось принимать различного рода строжайшие меры, чтобы в зародыше погасить эти опасные «злонамеренные» слухи¹².

Свадьба по-французски

Накануне возвращения Бао Дая во Вьетнам в императорском дворце в Хюэ развернулась лихорадочная работа по поискам невесты для молодого, красивого и получившего француз-

ское образование императора. Вдовствующая императрица Ты Кунг, на правах его родной матери, подобрала для него девушку по имени Бать Иен — дочь одного из высоких сановников двора. До этого девушку долго учили играть на старинной вьетнамской гитаре, декламировать стихи древних вьетнамских поэтов, учили манерам поведения и этикету, которые были приняты при дворе династии Нгуенов. Кроме того, Бать Иен каждый день купалась в ванне из молока, чтобы ее кожа была белой, как у европейских женщин, и издавала восхитительный аромат.

Однако вдовствующая императрица не знала о планах колониальных властей осуществить полное «офранцузивание» ее сына и, естественно, о том, что после завершения его учебы должна начаться вторая фаза по превращению молодого вьетнамского монарха, связанного многими неразрывными узами с матерью — Францией, в «неоспоримого вьетнамца по крови, но истинного француза по духу». Суть второй фазы задуманной французами далеко рассчитанной операции заключалась в том, чтобы найти ему соответствующую пару — разумеется, вьетнамскую девушку, но опять же с хорошим французским образованием и обязательно католичку, так как сам Бао Дай как представитель старинной вьетнамской династии был буддистом.

На этом этапе активно вступили в дело супруги Шарль. Когда они еще работали во Вьетнаме, они близко познакомились с семьей миллионера Дениса Ле Фат Ана из Кохинхины, у которого была племянница Жанна Мариэтта Нгуен Хыу Тхи Лан. У Дениса Ле Фат Ана не было своих детей, поэтому с ее детских лет он относился к Тхи Лан, как к своей дочери, и не жалел денег на ее обучение во Франции. Она же была дочерью его, тоже довольно богатого, брата Нгуен Хыу Хао из города Гоконг (Кохинхина). Как и Бао Дай, она с малых лет была отправлена во Францию и училась в парижской школе Couvent des Oiseaux (Монастырь птиц), в которой преподавали монахини монастыря Святого Августина. Она прекрасно знала французский язык и французскую культуру, уже имела звание бакалавра. Но самое главное для успеха задуманной операции было то, что все члены семейного клана Тхи Лан были ревностными католиками, а гла-

ва клана был известен на Юге Вьетнама тем, что на свои средства построил три католических храма для прихожан в районах, прилегающих к Сайгону.

Чтобы юный монарх и красавица Тхи Лан смогли познакомиться еще в Париже, супруги Шарль договорились о частной встрече с директрисой школы Couvent des Oiseaux и условились с ней, что она пригласит на выпускной вечер в честь окончания учебного, 1932 года, императора Вьетнама Бао Дая и что цветы монарху преподнесет вьетнамская школьница Тхи Лан. Так все и произошло, и когда красавица Тхи Лан преподнесла Бао Даю цветы, он, конечно, заметил ее и запомнил.

В начале августа 1932 года от причала Марселя отошло пассажирское судно «Д'Артаньян», на борту которого Бао Дай, сопровождаемый супругами Шарль, отплыл во Вьетнам. Естественно, на этом же корабле оказалась и Тхи Лан, которая возвращалась во Вьетнам на каникулы, сопровождаемая Денисом Ле Фат Аном и его женой. Во время долгого плавания (тогда расстояние от Франции до Вьетнама пароходы преодолевали более чем за месяц) началась вторая фаза операции по «офранцузиванию» молодого вьетнамского монарха. В один из первых же вечеров Денис Ле Фат Ан пригласил супругов Шарль на дружеский ужин, на котором, конечно же, не могли не присутствовать их «приемный сын» Бао Дай и племянница миллионера Тхи Лан.

Именно на этом ужине, как считают организаторы операции, и вспыхнули первые романтические искры будущей любви двух юных сердец. Естественно, молодые люди во время долгого плавания познакомились и не могли не понравиться друг другу. Оба были очень красивы, оба были всецело привержены французской культуре, поэтому, когда вечерами они гуляли по палубе, у них находилось много общих тем для бесед.

В начале сентября 1932 года пароход «Д'Артаньян» бросил якорь во вьетнамском порту Cap Saint Jacques (ныне — город Вунгтау). Здесь Тхи Лан встретили ее отец Нгуен Хыу Хао и члены семейства Ле Фат Ана и повезли ее в Сайгон. А Бао Дая французские военные проводили на борт военного корабля Dumont d'Urville, который доставил его в порт Туран (ныне —

Дананг). Когда Бао Дай спускался по трапу на причал, в честь возвращения молодого монарха на родину был произведен артиллерийский салют из 21 залпа.

10 сентября 1932 года Бао Дай выступил по радио с обращением к своим подданным, текст которого, естественно, был подготовлен его французскими советниками, где обещал широкие реформы в стране, которые отвечали бы принципам цивилизации и прогресса, усвоенным им во время учебы во Франции. В своей речи, отличавшейся неконкретностью и витиеватостью (как, впрочем, и многие последующие его публичные выступления), Бао Дай, в частности, обратился к тем вьетнамцам, кто «всем сердцем любит родину: надо всем нам, направляемым общей волей, вместе идти к единой цели, чтобы весь народ жил в гармонии, великодушии и упорядоченной строгости, стремясь к высотам цивилизации и прогресса, которых мы должны достигнуть»¹³.

Под этими вьетнамцами он имел в виду патриотические партии и организации, которые открыто и активно выступали против французского господства. Однако Бао Дай весьма ловко не назвал ни одной партии и, естественно, не решился сказать определенно о том, что это патриоты, которые борются как против колонизаторов, так и против самой феодальной монархии. Впрочем, другого он сказать и не мог — откуда 19-летний император, проживший много лет вдали от родины, мог знать об особенностях социально-политической обстановки во Вьетнаме.

Вслед за тем Бао Дай осуществил несколько важных политических акций. Прежде всего он совершил ритуальную поездку в провинцию Тханьхоа — родину предков династии Нгуенов, а после этого — ознакомительные поездки вначале в Кохинхину, а затем — в Тонкин.

Для колониальных властей особенно важно было «показать товар лицом» в Тонкине, причем по двум разнохарактерным причинам. С одной стороны, в Тонкине наиболее сильны были антиколониальные настроения. И французы надеялись, что непосредственное знакомство населения Тонкина с молодым монархом вьетнамской династии Нгуенов, которая олицетворяла

народную память о тех давних временах, когда Вьетнам был независимой страной, поможет понизить градус революционного движения в Ханое и окружающих его провинциях.

С другой стороны, с начала 1930-х годов в Тонкине приняло массовые формы умело инспирируемое колонизаторами движение, которое мы бы сегодня назвали «вестернизацией». Участники этого движения — представители разночинной молодежи, студенчества новой формации, получившие французское образование, чиновники, служившие во французской администрации, учителя школ и лицеев — романтизировали материальные и духовные достижения Запада, особенно Франции, и требовали обновления образа жизни вьетнамского народа, приближения его к западным образцам. А Бао Дай как раз и был живым примером нового образа жизни — молодой, красивый, всегда одетый с иголки в модный французский костюм. То его видят скачущим верхом на коне, то за рулем первоклассного автомобиля, то он играет в теннис или в гольф, а на следующий день танцует танго или фокстрот. Разумеется, все это не могло не притягивать к нему внимание юношей и девушек из среды золотой ханойской молодежи и среднего городского класса.

Бао Дай пробыл в Ханое целую неделю. В один из вечеров у него произошла интересная встреча с членами Общества чиновников-конфуцианцев и чиновников-западников. Это Общество, так же как и известный в стране журнал «Нам фонг» («Южный ветер») основал профессор Фам Куинь. Он же и приветствовал на встрече монарха на французском и вьетнамском языках. Его речь пришлась Бао Даю по душе. Это и входило в планы французских организаторов его поездки, так как они давно решили поставить во главе правительства двора в Хюэ нового человека, лояльного Франции, вместо престарелого Нгуен Хыу Бая, который раздражал их своей чрезмерной приверженностью династийным канонам далекого прошлого.

После возвращения Бао Дая в Хюэ 1 мая 1933 года туда прибыл генерал-губернатор Паскье, чтобы лично руководить работой совещания с членами Тайного совета. Верховный резидент Аннама Тибодо сообщил членам Тайного совета об обновлении его состава и зачитал текст императорского указа № 29: «Преж-

де чем активно приняться за работу, мы, Государь, хотели узнать настроения народа и с этой целью совершили поездки по Северу и Югу. И в ходе них Мы увидели, что конкретно нуждается в реформах. Поэтому сегодня, то есть 8-го дня 8-й луны правления Бао Дая (1933 г.), Мы объявляем, что отправляем на пенсию герцога (quan song) Нгуен Хыу Бая, высоких сановников двора Во Лиема, Тон Тхат Дана, Фам Лиеу, Вьонг Ты Дая, а вместо них вводим в Тайный совет Фам Куиня, Тхай Ван Тоана, Хо Дак Кхая, Буи Банг Доана, Нго Динь Зьема.» От себя Тибодо добавил: «Данный указ санкционирован генерал-губернатором Индокитая. Что касается меня, то я с его содержанием полностью согласен.»¹⁴ Интересно отметить, что одним из самых молодых министров стал Нго Динь Зьем, который в 1950-е годы, после подписания Женевских соглашений о восстановлении мира во Вьетнаме, лишил Бао Дая поста главы государства и станет президентом Южного Вьетнама.

Появление Фам Куиня в Хюэ было встречено с большим недовольством членами императорского двора. Он был для них чужак, при дворе его презрительно именовали «белым фурункулом с Севера». Но против воли французов выступить они не могли. К тому же Фам Куинь пришелся по душе Бао Даю как близкий ему по духу человек — с солидными, изысканными манерами, с величественной осанкой, блестяще говорящий и по-вьетнамски, и по-французски. Поэтому Бао Дай сразу же предложил Паскье назначить его главой Кабинета министров. Естественно, после назначения в Хюэ Фам Куинь вынужден был передать руководство журналом «Нам фонг» своему ближайшему сотруднику Нгуен Тиен Лангу, который в скором времени стал его зятем.

Все эти акции, инициированные колониальными властями, преследовали одну цель — в самом лучшем свете представить подданным династии совершенно новый тип монарха: он молод, окончил высшую школу политических наук в Париже, у него совершенно новый образ мышления, он воспитан на передовых традициях Запада, вьетнамская интеллигенция и молодежь должны полюбить его, и тогда антифранцузские настроения пойдут на убыль.

Французское воспитание сподвигло Бао Дая на весьма смелые реформы придворного этикета и форм приветствия простолюдины при встрече с императором, которые были заимствованы из древнего Китая и освящены веками. Так, Бао Дай повелел, чтобы были отменены как «архаичные» обязательные поклоны до пояса или опускание глаз при встрече с императором как простолюдинов, так и чиновников двора. Конечно, этот указ не так-то просто было исполнить на деле, так как внешние формы почитания монарха впитывались вьетнамцами «с молоком матери». Поэтому, когда уже после выхода указа Бао Дай со своей свитой появлялся на улицах Хюэ или других городов, особенно ретивые начальники городских кварталов и сельских уездов все-таки отдавали приказы жителям смиренно опускать глаза долу, когда император проезжал мимо них.

Одновременно было разрешено всем сановникам двора и другим гостям при входе в покои императора не кланяться до пояса, а приветствовать монарха словами. Этой акцией, наверняка подсказанной французами, преследовались две цели. Во-первых, показать, что молодой, прогрессивный, но «народный монарх» ценит старинные вьетнамские обычаи уважения людей не по положению, а по возрасту. Во-вторых, теперь и французские официальные лица, входя к императору, могли чувствовать себя более свободно и просто обмениваться рукопожатием с ним, как принято на Западе в общении между людьми.

Одной из непреложных традиций династии Нгуенов, начиная с ее основателя Зя Лонга, была задача заранее подбирать невест для наследных принцев, поэтому все представители династии, как правило, всходили на престол уже будучи женатыми. После этого вступала в действие вторая традиция — для нового монарха набирали несколько десятков девушек, которые выполняли роль прислуги и наложниц. И хотя у монарха была официальная жена, подобранная для него королевской семьей, однако среди десятка наложниц, естественно, находились одна или несколько женщин, которых монарх любил и привечал больше всех остальных. В результате монархи постоянно опасались, что между их любимицами начнется борьба за власть, поэтому было принято паллиативное решение, что любая «пассия» монарха,

включая и его официальную супругу, могла быть объявлена императрицей только после кончины императора либо после провозглашения наследником ее сына.

По завершении первоочередных официальных дел перед «кукловодами» Бао Дая вновь встал вопрос о необходимости срочной реализации давно задуманного ими плана о такой его женитьбе, которая бы полностью отвечала интересам Франции. Летом 1933 года Бао Дай выехал на отдых в Далат. Одновременно генерал-губернатор Паскье дал указание мэру Далата мсье Дарлю организовать праздничный прием в самом феешенебельном здании города — Hotel Palace¹⁵.

На этот прием были приглашены многие высокопоставленные представители колониальных властей и, разумеется, Тхи Лан и большое число ее ближайших родственников. Бао Дай и Тхи Лан много танцевали друг с другом и вспоминали о Париже. В конце своей жизни Бао Дай так писал об этом романтическом отрезке своей жизни: «После нашей встречи на приеме мы затем еще не раз встречались, чтобы высказать свои чувства. Жанна Мариэтта очень забавно рассказывала о своей учебе в школе Couvent des Oiseaux. Так же, как и я, она любила спорт и музыку. Тхи Лан отличалась весьма нежной красотой девушки Юга, немного приправленной чертами Запада. Вот почему я придумал ей новое имя — Нам Фьонг, что значит Аромат Юга. Я знал, что все мои королевские предки предпочитали брать в жены девушек с Юга»¹⁶.

После танцев на пышном приеме мсье Дарля молодые люди практически встречались каждый день — на теннисной площадке, на раутах местной элиты, более того, несколько раз Бао Дай был гостем Тхи Лан в роскошном особняке семейства Ле Фат Ана в Далате. В конце концов Бао Дай официально сделал Тхи Лан предложение, на что она в принципе ответила согласием, но при условии, если ее семья даст свое благословение.

Взволнованный Бао Дай доложил Паскье и Шарлю о возникшем препятствии. Супруги Паскье и Шарль встретились с Ле Фат Аном, чтобы узнать его мнение. Разумеется, члены семейства Ле были весьма обрадованы как предложением Бао Дая, так и его поддержкой со стороны высокопоставленных

французов, ибо «рыба заглотнула крючок», но тем не менее они выдвинули несколько предварительных условий:

- Жанна Мариэтта Нгуен Хью Тхи Лан должна быть удостоена звания Императрицы сразу же после свадьбы;
- Она должна остаться в лоне католической церкви, а ее дети при рождении должны пройти обряд крещения и быть католиками;
- Что касается Бао Дая, то он может и дальше оставаться буддистом;
- Наконец, крайне необходимо разрешение Ватикана на то, чтобы молодые люди, поженившись, остались каждый в своей вере; ни одна из сторон не должна принуждать другую к смене веры»¹⁷.

Поставленные условия были довольно сложными и, казалось бы, трудновыполнимыми. Однако так велико было желание Паскье и Шарля увенчать процесс «офранцуживания» нового вьетнамского монарха его женитьбой на вьетнамке-католичке, к тому же «офранцуженной» не менее, чем он сам, что они заверили семейство Ле, что французские власти гарантируют выполнение всех поставленных условий.

Ни в одних мемуарах Бао Дая, Тхи Лан и их окружения ничего не сказано, о чем говорила пара во время знаменитого приема в Далате. Но историографы династии считают, что именно в Далате Бао Дай, вопреки вековой традиции Нгуенов, пообещал Тхи Лан, что сразу после свадьбы он объявит ее императрицей, и что все их дети, прежде всего наследник престола, будут католиками.

Когда Бао Дай вернулся в Хюэ, императрица-мать и высшие сановники, ничего не зная о событиях в Далате, сообщили ему «радостную весть», что они подыскивали для него невесту — уроженку города Хюэ, дочь высокопоставленного чиновника двора. На что Бао Дай ответил им, что он сам нашел себе невесту — Жанну Мариэтту Нгуен Хью Тхи Лан, члена богатейшей семьи из Гоконга, получившую к тому же классическое французское образование. Во дворе начался крупный скандал: мать Ты Кунг и глава Регентского совета Тон Тхат Хан потребовали от молодого монарха не нарушать вековых традиций династии и

взять в жены девушку Бать Иен, которая ими подобрана и которая отвечает всем требованиям исторических канонов династии.

Но задуманная программа полного «офранцуживания» нового императора не дала сбоев. Бао Дай был категоричен в своем решении. «Я беру жену для себя или для династии?» — неприлично грубо для сановников двора спросил он. После этого и Ты Кунг, и члены Регентского совета поняли, что на престоле появился совершенно новый монарх, воспитанный в западных традициях, для которого главное — свои, личные интересы (разумеется, продиктованные французскими властями), а не интересы замшелой, уходящей в прошлое династии Нгуенов.

Свадьба состоялась 20 марта 1934 года. Жениху было тогда 21 год, невесте — 19 лет. Проходила свадьба в несколько напряженной атмосфере, так как выбор жениха поддержал только глава Тайного совета Нгуен Хью Бай, остальные же, возглавляемые вдовствующей императрицей, открыто выражали свое недовольство. Сам Бао Дай так описывал свои впечатления от свадьбы: «Свадьбу почтили своим присутствием большое число сановников императорского двора и представителей французской администрации. Это было торжество в стиле “модерн”, таких свадеб династия Нгуенов еще не знала. Тут же, на свадьбе, я принял решение удостоить свою жену звания Императрицы — раньше это звание жены монархов династии получали только после кончины мужа-императора.»¹⁸

Хотя в своей книге «Дракон Аннама» (1980 г.) Бао Дай уверял читателей, что при выборе невесты им руководила только большая любовь, однако на деле определяющую роль играли отнюдь не чувства двух молодоженов, и тому много свидетельств. То, что свадьба была целиком срежиссирована французами, уже говорилось выше. Но вот интересные оценки бывшего начальника императорской канцелярии Фам Кхак Хоэ, который в своей книге воспоминаний так описывал тайные пружины этой свадьбы:

«В бракосочетании Бао Дая и Тхи Лан конкретные расчеты заметно преобладали над чувствами. Лан выходила замуж за Бао Дая, чтобы стать императрицей. Бао Дая же прельстили огромные богатства семейства Лан. Что касается чувств, то если они и

были, то чисто внешне: оба они были молодые и здоровые, увлекались спортом и привыкли жить по канонам Запада. Вместе с тем у них была совершенно разная душевная организация. Бао Дай по натуре был неглубоким человеком, несколько наивным, бесхарактерным, больше любил всякого рода развлечения, нежели властные полномочия императора. Голос рассудка и здравый смысл были ему не чужды, однако он часто действовал по подсказке извне. Напротив, Нам Фыонг была женщиной скрытной, уравновешенной, глубокой, эмоции у нее никогда не преобладали над разумом, она любила читать и учиться гораздо больше, чем развлекаться, наконец, она очень любила власть и была обуреваема большими политическими амбициями.»¹⁹

Прежде всего, самым страстным желанием Нам Фыонг было родить наследного принца — католика, который мог бы затем занять престол и стать полновластным правителем, и все это благодаря «недюжинным талантам» Нам Фыонг, которая тем самым выполнила бы свой святой долг перед великой матерью-Францией, а также перед Ватиканом, где давно уже лелеяли мечту, чтобы именно католик стал монархом «великого Аннама».

Последнее обстоятельство имело очень важное значение для Нам Фыонг. Дело в том, что, готовя свадьбу Бао Дая, супруги Шарль обратились в Ватикан с просьбой разрешить католичке выйти замуж за буддиста. Однако Папа Пий XI неожиданно ответил отказом. И только в 1939 году, когда после его кончины папскую тиару надел Папа Пий XII, тот пересмотрел решение своего предшественника, благословил брак буддиста и католички, но с одним условием, что все их дети и, прежде всего, наследный принц, будут крещены в католики, как и их мать. Получив это приятное известие, Нам Фыонг тут же вместе с мужем отплыла в Ватикан, где они лично поблагодарили Папу Пия XII за его «гуманное решение». История сохранила фотодокументы этой необычной аудиенции.

После трех лет брачной жизни Нам Фыонг родила первого ребенка. Ночью 4 января 1936 года жители императорской столицы слышали звуки салютных залпов, которые означали, что императрица родила. Но посреди глубокой ночи мало кто успел подсчитать количество залпов, чтобы узнать, родился принц

или принцесса. Когда наступило утро, праздничные залпы были повторены. И их число вызвало всеобщее ликование: их было семь — значит родился наследный принц. Если бы залпов было девять, то это означало бы, что родилась принцесса. Дело в том, что согласно древним поверьям вьетнамцев, дух мужчины слагается из семи воплощений души, а дух женщины — из девяти.

На следующий день все три части Вьетнама — Тонкин, Аннам и Кохинхина облетела весть, что в Хюэ родился наследный принц, то есть будущий император Вьетнама, которого коронованные родители нарекли именем Бао Лонг. В канцелярию двора посыпались поздравительные телеграммы от высоких французских лиц — генерал-губернатора, верховных резидентов Тонкина и Аннама, губернатора Кохинхины, колониальных министров, профранцузских общественно-политических партий и организаций Вьетнама.

В последующие годы Нам Фыонг родила еще четырех детей:

- Принцессу Фыонг Май, 1 апреля 1937 года;
- Принцессу Фыонг Лиен, 3 ноября 1938 года;
- Принцессу Фыонг Зунг, 5 февраля 1942 года;
- Принца Бао Тханга, в 1948 году.

Первые три года совместной жизни молодожены отдыхали и развлекались вместе: на автомобиле «Меркурий» шоколадного цвета, за рулем — сам Бао Дай, они объезжали красивые окрестности Хюэ вдоль реки Ароматной, поднимались в горы к курортному Далату, чтобы подышать прохладным сосновым воздухом, и даже отваживались охотиться в джунглях плато Тэйнгуен, возле городов Банметхуот и Баолок. Но после рождения первенца Бао Дай, который уже не мог жить без каждодневных развлечений, стал ездить по знакомым местам один.

Особенно его увлекала охота на крупного зверя, которых в джунглях Центрального Вьетнама тогда водилось во множестве. В первые же дни, когда он вернулся на родину, жители одной горной деревни подарили ему двух слонят. Как только они подросли, Бао Дай стал ездить на них в горы на охоту. А к 1944 году у него уже было целое стадо огромных слонов из 38 голов. О них заботились 40 погонщиков разных национальностей — лаосцы, эдэ, мнонги, вьетнамцы.

Слонов так приучили, что когда необходимости в них не было, их отпускали в джунгли, и они сами искали себе корм. Чтобы чужие охотники ненароком их не подстрелили, им на лбах рисовали специальные знаки, которые были известны всем в округе. Когда же приезжал Бао Дай, погонщики пригоняли слонов обратно, к подножию холма, на вершине которого стоял охотничий домик императора.

Смена хозяев

Когда в июне 1940 года Франция капитулировала перед Германией и в стране было образовано профашистское правительство во главе с Петэном со столицей в городе Виши, то именно это правительство подчинило себе колониальную администрацию в Индокитае. Это обстоятельство облегчило японскому милитаризму осуществление агрессивных замыслов в отношении Индокитая, так как к этому времени японская армия, установив контроль над южной частью Китая, вышла к границам Вьетнама. В августе и сентябре 1940 года Япония заключила со ставленником Виши генерал-губернатором Индокитая адмиралом Дэку ряд выгодных для нее соглашений, которые поставили Индокитай под японский экономический и военный контроль и означали начало так называемой «мирной оккупации» Японией Индокитая.

В отличие от других стран Юго-Восточной Азии, где японская оккупация сопровождалась крахом западных колониальных режимов, в Индокитае японцы сохранили французскую колониальную администрацию, которая встала на путь тесного сотрудничества с оккупантами. Фактически с этого времени вишистская Франция стала союзником милитаристской Японии в мировой войне.

И, естественно, японские оккупационные власти, чья родина сама была монархической страной, не только сохранили режим династии Нгуенов в Хюэ, но и старались оказывать Бао Даю всяческие знаки внимания, выражая готовность тесно сотрудничать с вьетнамским императорским двором.

Таким образом, в положении Бао Дая, по-прежнему основную часть времени отдававшегося охоте на плато Тэйнгуен,

практически ничего не изменилось. Нам Фыонг и дети жили в особняке в Далате. Война, разгоравшаяся на просторах Азии и Тихого океана, пока никак не затрагивала Вьетнам. В самом Хюэ тоже все было спокойно, как будто и не произошла смена хозяев Индокитая. Только после того, как американские войска под командованием генерала Макартура захватили японский остров Окинава, обстановка несколько изменилась. Американские самолеты стали бомбить объекты японской армии в Индокитае, и были случаи, когда бомбы падали в нескольких сотнях метрах от центра Хюэ.

«Однако монарх, — пишет Д. Гранклеман, — ничем не выражал тревоги в обстановке, когда огонь и кипящая вода стали подбираться к стране, которой он правил. Он по-прежнему пропадавал на охоте или рыбалке, отдавал все силы развлечениям или, стоя на балконе, лицезрел лунный диск, который, по вьетнамским поверьям, предсказывает судьбу. В общем, вел себя так, как будто война — это всего лишь страшный сон, который вряд ли станет реальностью»²⁰.

Так как Нам Фыонг жила с детьми отдельно, у Бао Дая появилась новая возможность развлечения — молодые женщины. Первая из них — красавица Фи Иен, для которой он, хотя и не располагал большими деньгами, приобрел особняк, где любовники и встречались. Эта связь едва не закончилась трагически: Нам Фыонг, узнав об измене мужа, решила подговорить шофера застрелить их обоих, если он увидит их вместе. Ситуацию пришлось спасать самой супруге адмирала Дэку, которая помчалась на машине по крутой горной дороге к месту, где любовники условились встретиться.²¹

Нам Фыонг была, как вспоминали ее друзья еще по учебе в Париже, высоконравственным, добродетельным человеком. И она даже не могла представить себе, что такое возможно. Она страдала от женской ревности, от вероломного предательства любимого мужа. Самым близким людям она говорила даже, что подумывает уйти в монастырь. «Она горько сожалела, что будучи юной, увлеклась красивым и умным человеком, который оказался на деле сумасбродом и бабником, человеком, у которого на уме одни развлечения и удовольствия»²².

Тем временем к концу 1944 года положение Японии в оккупированных странах Юго-Восточной Азии начало стремительно ухудшаться. Чтобы укрепить свои позиции в Индокитае, японские власти приняли решение совершить военно-политический переворот и устранить французскую колониальную администрацию. 9 марта 1945 года менее, чем за сутки, основная часть французских вооруженных сил была японской армией обезоружена, уничтожена или захвачена в плен. В трех странах бывшего французского Индокитая — Вьетнаме, Лаосе и Камбодже были созданы «независимые» государства, которые были включены Японией в «Великую Восточно-Азиатскую сферу процветания».

Как и в 1940 году, эти события практически никак не отразились на положении династии Нгуенов и лично Бао Дая. Видный вьетнамский историк Чан Ван Зяу так описывает начало «новой эры» в жизни Бао Дая: «9 марта, когда Бао Дай по привычке с увлечением занимался охотой, выстрелы зазвучали в самом Хюэ. Утром 10 марта японцы приказали Бао Даю сделать заявление о провозглашении независимости. Утром 11 марта правительство династии Нгуенов, которое еще вчера хранило абсолютную верность Франции, выступило с заявлением об аннулировании всех договоров о протекторате, подписанных с Францией, и о том, что Вьетнам возвращает себе независимость, разумеется, «согласно принципам совместной декларации государств Великой Восточной Азии»²³.

Кроме того, японские «друзья» рекомендовали Бао Даю заменить профранцузского Фам Куиня на своего ставленника — известного ученого — конфуцианца Чан Чонг Кима. 17 марта Бао Дай подписал указ № 1 о «реформировании госаппарата династии в соответствии с новой обстановкой»²⁴. 5 апреля японцы доставили Чан Чонг Кима на своем самолете из Бангкока в Хюэ, где Бао Дай официально назначил его главой Кабинета министров и поручил представить кандидатуры членов нового состава Кабинета. 3 мая Бао Дай обратился с посланием к народу, в котором не скрывал своей радости по поводу произошедших событий. Он сообщил, что утвердил новый состав Кабинета министров, которое является «первым правительством независимого Вьетнама после 80 лет иностранного господства...

Отныне, благодаря императорской армии Великой Японии, наша страна обрела свободу... На пути независимости будет еще много трудностей, но Мы считаем, что у 20-миллионной вьетнамской нации, которая имеет славную четырехтысячелетнюю историю, хватит сил взять на себя часть ответственности в деле созидания основ сопроцветания Великой Восточной Азии и сможет стать могучей нацией в этом мире».²⁵

Но после капитуляции фашистской Германии в мае 1945 года и крупных поражений японской императорской армии в военных действиях на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии, всем трезвомыслящим людям в окружении Бао Дая стало ясно, что дни японского господства в Индокитае сочтены. Только один Бао Дай никак не мог поверить, что Япония может потерпеть поражение, хотя Фам Кхак Хоэ каждый день приносил ему новости одна огорчительнее другой. Все дело в том, что Бао Дай чуть ли не ежедневно обедал или встречался с послом Японии при дворе генералом Июкогамой и его супругой, и они клятвенно заверяли вьетнамского монарха, что Страна восходящего солнца, нация Ямато, которая живет по завету своего божественного предка императора Дзимму «Хакко Итио! — »Весь мир под одной крышей — наш дом!», никогда не сдастся врагам, поэтому Бао Дай может быть спокоен за свой престол.

И вдруг 15 августа в Хюэ пришла весть, что император Хирохито выступил по радио с заявлением о безоговорочной капитуляции Японии. Если Бао Дай был далек от всего этого, так как продолжал пропадать в джунглях на охоте, то его Кабинет министров после получения известия о капитуляции Японии практически впал в ступор. Только 17 августа Чан Чонг Ким, выйдя из этого состояния, созвал срочное заседание Кабинета, председательствовал на котором вернувшийся с охоты император. Бао Дай предложил срочно направить телеграммы главам союзных государств — президенту США Г. Трумэну, королю Великобритании Георгу VI, правителю Китая Чан Кай-ши и французскому генералу Де Голлю с просьбой помочь Вьетнаму, который только что вырвался из лап японской армии, защитить свою независимость. Однако три члена Кабинета выразили недоумение, почему среди союзных государств не названа Совет-

ская Россия и предложили направить в адрес И. Сталина телеграмму такого же содержания, как и Г. Трумэну.

Дальше началось бурное обсуждение вопроса, какие меры надо предпринять, чтобы достойно встретить войска союзников, когда они высадятся во Вьетнаме для разоружения японских войск. С наиболее оригинальным предложением выступил один из членов Кабинета Ву Ван Хиен: «В нынешней ситуации самая важная проблема — необходимо иметь “законное” правительство, которое обеспечило бы порядок и имело полномочия говорить и действовать, чтобы когда союзники придут, то они не имели бы возможности под видом наведения порядка помочь французским колонизаторам вернуться в нашу страну. Чтобы добиться этой цели, надо реально передать всю власть Вьетмину,²⁶ но формально — все же сохранить монархический режим с Кабинетом министров, сформированным Вьетмином, — вот это поистине будет “законная” власть».²⁷

После бурных дебатов это предложение было одобрено большинством и, главное, самим Бао Даем. 17 августа он подписал императорский указ № 105, в котором была изложена его позиция из двух основных пунктов:

1) Монарх согласен передать власть Вьетмину — организации, которая активнее всех боролась за интересы народа, и приглашает руководителей Вьетмина в Хюэ для формирования нового Кабинета министров.

2) Вопрос о политическом режиме в стране должен быть в последующем определен самим вьетнамским народом, монарх обязуется подчиниться его воле.

Затем на рассмотрение Бао Дая был предложен проект его обращения к нации: «Стремясь укрепить основы независимости государства и защитить интересы нации, Государь готов пожертвовать всем. Именно во имя счастья народа Вьетнама Государь воссел на золотой престол императора. Государь готов быть гражданином независимой страны, нежели оставаться королем страны рабов. Государь считает, что вся нация в едином порыве пожертвует собой, как и сам Государь...»²⁸

Когда Бао Дая дали на подпись этот документ, названный «воззванием», он долго не решался его подписать, несколько

раз повторив вслух и про себя основополагающую фразу воззвания: *«Государь готов стать гражданином независимой страны, нежели оставаться королем страны рабов»*. Он, конечно, понимал, что она означает фактически заявление о его готовности, в случае необходимости, отречься от престола. Но после некоторых колебаний все-таки подписал этот документ. Таким образом, кропотливая работа сторонников Вьетминя — начальника императорской канцелярии Фам Кхак Хоэ и его сподвижников среди членов Кабинета министров по подталкиванию монарха к мысли об отречении постепенно приносила свои плоды.

Хотя в душе Бао Дай уже готов был к этому шагу, однако его колебания были вызваны тем, что он до сих пор не знал, кто является руководителем могущественного, пользующегося широкой народной поддержкой Вьетминя. И он дает своим советникам задание срочно узнать и сообщить ему имя этого руководителя.

20 августа господин Хоэ покинул пределы дворца и устремился в кварталы города, где жил простой люд, иными словами «пошел в народ». И там ему показали листовки с призывом к всеобщему восстанию, под которым он увидел подпись революционного вождя Нгуен Ай Куока. Хоэ помчался обратно во дворец и доложил Бао Даю об этом, добавив, что люди говорят, что именно этот человек и является руководителем Вьетминя.

И тут он как бы к месту вспомнил и рассказал Бао Даю одну весьма загадочную легенду, которая с давних лет передавалась из уст в уста среди жителей провинций Нгеан и Хатинь. Есть такое поверье: когда гора Дуншон расколется надвое, а ручей Бодай перестанет журчать, тогда на земле Намдан родится святой. (Эти гора и ручей находятся в уезде Намдан провинции Нгеан, где родился Хо Ши Мин, — прим. авт.). Это поверье появилось еще в XVI веке, а в конце XIX века гора Дуншон в результате строительства шоссейной дороги действительно была разрезана на две части, а ручей Бодай со временем становился все полноводнее и перестал журчать. Тем самым вроде бы пришло время родиться святому на земле Намдан. Но кто он? Вначале многие люди, особенно *pho si*, думали, что это известный революционный деятель Фан Бой Тяу. Однако начиная с 1920 года единым

стало мнение, что это пламенный патриот Нгуен Ай Куок, который в то время вел революционную работу во Франции и готовился на крыльях победы вернуться во Вьетнам²⁹.

Дальше между императором и его ближайшим советником произошел следующий диалог:

Бао Дай: Мы правильно поняли, что господин Хоэ советует Нам отречься от престола и передать всю полноту власти Вьетминю?

Советник Хоэ: Да, именно так.

Бао Дай: Если действительно руководитель Вьетминя — это «Святой Нгуен Ай Куок», то Мы готовы отречься от престола немедленно.³⁰

22 августа власть в городе Хюэ перешла в руки революционного комитета³¹, вместо привычных императорских флагов повсюду на столбах и крышах домов развевались красные флаги с желтой звездой — флаги Вьетминя. Представитель ревкома передал Фам Кхак Хоэ письмо—ультиматум Вьетминя, в котором содержалось требование, чтобы император немедленно передал власть народу, при этом было высказано обещание, что новая власть гарантирует жизнь бывшему монарху и его семье, а также неприкосновенность его имущества.

Конечно, для Бао Дая это было обнадеживающее обещание. И вместе с тем, как вспоминают все общавшиеся с ним в те дни, на лице его читались тревога и страх. Он хотел верить заверениям новой власти, но во время учебы во Франции он получил много знаний по основам мировой истории и не мог не вспоминать трагическую участь в период революций английского короля Карла I, французского короля Людовика XVI и королевы Марии-Антуанетты и, особенно, русского царя Николая II, расстрелянного революционерами вместе со всей его семьей. К тому же его тревога и страх подкреплялись то и дело приходящими из соседних провинций известиями о том, что сторонники Вьетминя устроили самосуд над несколькими высшими чиновниками, обвиненными в предательстве родины за свое служение японцам или французам.

24 августа 1945 года в императорскую канцелярию поступила телеграмма от Народно-революционного комитета Бакки

(Северного Вьетнама) следующего содержания: «Временное народно-революционное правительство создано, его председатель — почтенный Хо Ши Мин. Просим уважаемого короля немедленно отречься от престола, чтобы способствовать укреплению основ государственной независимости». ³²

Прочитав эту телеграмму, Бао Дай опешил, решив, что это какая-то ошибка. Дело в том, что ни он сам, ни его окружение, даже Фам Кхак Хоэ, до сего времени ни разу не слышали такого имени. Только через несколько часов он получил подтверждение, что Хо Ши Мин и Нгуен Ай Куок — это одно и то же лицо. Бао Дай радостно поднял обе руки вверх и воскликнул по-французски: *Sa vaut bien le coup alors* (Тогда стоит и отречься). Тут же была отправлена в Ханой ответная телеграмма, где говорилось, что император готов отречься от престола и приглашает председателя Временного революционного правительства прибыть в Хюэ для участия в торжественной церемонии отречения. Временное правительство в ответной телеграмме приветствовало «дух демократии, солидарности и единства» императора и сообщило, что в ближайшие дни представители правительства придут в Хюэ.

После того, как Бао Дай официально дал согласие на свое отречение, он часто вызывал к себе Фам Кхак Хоэ, чтобы обсудить создавшуюся обстановку и поговорить о своем будущем. Так, он сообщил, что в местечке Блао в 20 километрах от Далата по дороге в Сайгон у него есть собственная чайная плантация, и после отречения он собирается поселиться там и жить на доходы от выращивания и продажи чая. Что касается питания, то, по словам Бао Дая, недалеко от плантации начинаются джунгли, и он как умелый охотник может настрелять там много дичи, а если удастся подстрелить тигра, то за него можно будет выручить много денег и жить припеваючи.

Верховный советник

25 августа решением ЦК КПИК и Временного революционного правительства для принятия отречения императора была сформирована делегация в составе трех человек: Чан Хюи Льеу

(глава делегации), Нгуен Лыонг Банг³³ и Ку Хюи Кан. Чан Хюи Льеу, ставший впоследствии в ДРВ видным специалистом по истории Вьетнама, оставил пространные воспоминания об этой поездке в Хюэ и о церемонии отречения Бао Дая.

Любопытно прочитать в них, например, рассказ о том, как, готовясь к поездке, члены делегации, естественно, волновались перед предстоящей им миссией, долго обсуждали вопрос о том, как им вести себя в общении с императором. «...Одна из трудных проблем, — писал Чан Хюи Льеу, — как нам и Бао Даю друг друга называть?»³⁴ Конкретно, как нам называть павшего императора и что нам делать, если он будет себя величать привычным “Чам” (“Мы, Государь”)? Дело в том, что пока не произошло отречение, он формально остается императором, а значит вправе называть себя “Чам”. В конце концов мы решили так: сейчас он наш военнопленный, поэтому манера обращения к нему не должна быть для нас проблемой. Проблема в другом — в обстановке, когда народная власть только что создана, надо действовать так, чтобы укреплять ее и успокоить души людей. Политика правительства, великодушие народа — это милосердие, прощение всех тех, кто оступился, но вернулся к народу. Поэтому поиск подходящих местоимений не столь уж важен. Мы должны обращаться к нему, как принято в общении среди наших людей — “ong” (“господин”), а как он захочет себя величать — это его дело, хотя наверняка он не посмеет обращаться к нам “Мы, Государь”.³⁵

30 августа в ранний час более 50 тысяч жителей города Хюэ собрались перед Ngo Mon — Южными воротами императорского дворца. Повсюду над толпой вдоль реки Ароматной, пересекающей город, и над десятками джонок и лодок, запрудивших реку, реяли красные флаги с желтой звездой. Машина с делегацией Временного правительства медленно въехала в Южные ворота посреди мощных приветственных возгласов многотысячной толпы.

Как вспоминал Чан Хюи Льеу, в истории династии Нгуенов эти ворота открывались только перед «посланцами неба», то есть перед представителями феодальных династий Китая, которые приезжали в Хюэ пожаловать кому-либо из вьетнамских сюзеренов высокий сан. В период, когда Франция завоевывала Вьет-

нам, командующий экспедиционными войсками генерал Де Курсу, угрожая применить силу, потребовал от коменданта дворца открыть Южные врата, чтобы его принял сам император. А теперь машина с делегацией революционного правительства спокойно въезжает в эти освященные веками врата, и «в этом вроде бы нет ничего странного, но это и есть победный результат долголетней борьбы народа против колонизаторов, против феодалов под руководством Партии».³⁶

После того, как Бао Дай передал главе делегации 10-килограммовую золотую печать династии³⁷ и позолоченный меч, инкрустированный драгоценными камнями, и заявил о своем отречении от престола, Чан Хюи Льеу от имени Временного революционного правительства зачитал декларацию о ликвидации монархического режима в стране. Ответом на эти его слова были громогласные возгласы многотысячной толпы: «Viet Nam doc lap tuon nam!» («Да здравствует независимый Вьетнам!»), «Viet Nam Dan chu Cong hoa tuon nam!» (Да здравствует Демократическая Республика Вьетнам!»).

По окончании официальной церемонии Бао Дай попросил членов делегации подарить ему значок Вьетминя с красным флагом и желтой звездой и приколот его себе на грудь. Обращаясь к народу, Чан Хюи Льеу сообщил, что с этой минуты Бао Дай стал гражданином Винь Тхюи и призвал соотечественников приветствовать нового гражданина молодой республики. Винь Тхюи рассмеялся, услышав эти слова, и со своей стороны поднял над головой руки, приветствуя участников митинга.

Итак с 30 августа 1945 года император Бао Дай стал гражданином ДРВ. После церемонии отречения он вернулся в свои покои и стал готовить вещи к переезду на новое место жительства. Неожиданно ближе к вечеру Фам Кхак Хоэ вызвали в Народно-революционный комитет города по срочному делу. Там его встретил Тон Куанг Фиет, председатель ревкома провинции Тхьятхиен, центром которой являлся город Хюэ. Он вручил ему телеграмму, полученную из Ханоя, и при этом воскликнул:

— Только такой великий революционер, как Нгуен Ай Куок, мог стать автором этой оригинальной идеи. Временное

революционное правительство приглашает гражданина Винь Тхюи стать Верховным советником правительства и предлагает срочно организовать его прибытие в Ханой.³⁸

Тон Куанг Фиет лично прибыл во дворец и сообщил Винь Тхюи о предложении революционного правительства. На лице бывшего императора отразились удивление и раздумья. Но он недолго колебался, горячо поблагодарил правительство за оказанную ему честь и только попросил разрешения, чтобы вместе с ним поехали принц Винь Кан и советник Фам Кхак Хоэ. Утром 2 сентября³⁹ Винь Тхюи попрощался с матерью, с женой и четырьмя детьми (старший сын Бао Лонг в это время уже учился во Франции). Нам Фыонг была одета, как простая вьетнамка — белая блузка и широкие черные шаровары, она украдкой вытирала платком слезы, катившиеся из глаз. Через несколько минут два автомобиля — в первом Винь Тхюи и сопровождающие его лица, во втором — охрана с винтовками, выехали за пределы Хюэ и взяли курс на север.

4 сентября делегация прибыла в Ханой, и уже вечером Винь Тхюи был приглашен в президентский дворец на прием, устроенный в его честь правительством. А утром следующего дня, по просьбе Винь Тхюи, он был принят Президентом Хо Ши Мином. Их беседа продолжалась около часа, в теплой и веселой обстановке, так как Президент много шутил. По окончании беседы Хо Ши Мин заверил верховного советника, что если у него появятся какие-либо проблемы, то революционное правительство всегда будет готово помочь в их решении. Вернувшись домой, Винь Тхюи возбужденно рассказывал Фам Кхак Хоэ: «Дедушка Хо такой хороший, веселый и очень простой!».

Указом ВРП ДРВ от 10 сентября 1945 года Винь Тхюи был официально назначен на пост верховного советника правительства. В последующем, правительство не раз менялось — из временного оно стало коалиционным, затем официальным, назначенным 2 марта 1946 года на первой сессии избранного парламента — Национального собрания, но Винь Тхюи неизменно оставался Главой группы советников.

Он был включен в комиссию из восьми человек во главе с Президентом Хо Ши Мином по подготовке проекта Конститу-

ции ДРВ, который необходимо было представить на рассмотрение Национального собрания. В этой работе он проявил заметную активность, так как благодаря знаниям, полученным в Высшей школе политических наук в Париже, легко ориентировался при обсуждении законов Конституции. Накануне всеобщих выборов в Национальное собрание жители провинции Тханьхоа, родины династии Нгуенов, выдвинули его своим кандидатом, и он, хотя и не вел специальной предвыборной агитации, весьма уверенно победил, набрав 92 % голосов⁴⁰.

В эти месяцы правительству Хо Ши Мина приходилось противостоять двум смертельным опасностям, угрозавшим молодой республике. По решению Потсдамской конференции, разоружение японских войск в Индокитае должны были провести Великобритания и чанкайшистский Китай. Поэтому уже в конце августа — начале сентября 1945 года 200-тысячная группировка китайских войск вошла на территорию Северного Вьетнама. Одной из главных целей этого вторжения для чанкайшистов было отстранить от власти прокоммунистический Вьетминь и заменить его своими ставленниками, прежде всего вьетнамским гоминьданом — Национальной партией Вьетнама.

Кроме того, в конце сентября на Юге Вьетнама освобожденные из японских тюрем и вооруженные английским командованием бывшие хозяева Индокитая — французские колонизаторы вошли в Сайгон и начали планомерно отвоевывать у народной власти районы Намки — бывшей Кохинхины. Если китайскую угрозу удалось в целом нейтрализовать путем предоставления членам прокитайских партий ряда министерских постов в правительстве и без выборов 70 депутатских мест в Национальном собрании, то с французами пришлось вступить в длительные и поначалу малоэффективные переговоры.

Бао Дай как верховный советник участвовал в этих переговорах. Первым результатом переговоров стала церемония подписания 6 марта 1946 года Прелиминарной конвенции между ДРВ и Францией. Конвенция была построена на взаимных уступках и компромиссе. ДРВ соглашалась войти в состав Французского союза, Франция же признавала ДРВ «свободным государством, имеющим свое правительство, парламент, армию и

финансы». Фактически правительство Хо Ши Мина добилося главного — признания Францией независимости Вьетнама⁴¹. Бао Дай находился бок о бок с Хо Ши Мином, когда он принимал «французского комиссара в Тонкине» Жана Сэнтэни, который выступал на переговорах от имени Франции.

8 марта 1946 года правительство приняло решение направить сразу две делегации доброй воли — одну в Чунцин (Китай), другую — во Францию. Делегацию в Чунцин поручили возглавить советнику Винь Тхюи. Однако последний, хотя и согласился поехать, но только «туристом» в качестве бывшего императора, а не руководителем делегации. Перед отъездом он попросил Фам Кхак Хоэ съездить в Хюэ и вывезти в Ханой Нам Фыонг и детей, сказав при этом, что «дедушка» Хо одобрил эту идею.

Итак, Винь Тхюи и Хо Ши Мин временно расстались друг с другом, но, как оказалось впоследствии, они больше ни разу не встретились, так как в начавшейся в декабре 1946 года длительной вьетнамо-французской войне они оказались по разные стороны баррикад. Но правительство Хо Ши Мина еще несколько лет продолжало относиться к Винь Тхюи как к своему верховному советнику, надеялось, что он вскоре вернется в Ханой и разными путями пересылало ему деньги в счет его зарплаты. Наконец, Хо Ши Мин предложил лично Фам Кхак Хоэ отправиться в Гонконг, где тогда находился Винь Тхюи, чтобы призвать его вернуться на родину и принять участие в общенациональном Сопrotивлении. Однако Бао Дай решительно отказался от сделанного предложения. В эти дни он уже строил совершенно другие, далекие планы. Во французской интервенции он узрел возможность вновь вернуться на престол, «отнятый» у него революцией. При этом его потаенные мысли полностью отвечали интересам колонизаторов, увидевших в бывшем императоре Бао Дает именно ту фигуру, которая, как они полагали, могла бы объединить против правительства Хо Ши Мина все разношерстные, соперничающие между собой националистические группировки вьетнамских феодально-буржуазных кругов.

Утвердившись в намерении создать во Вьетнаме вассальное государство во главе с экс-монархом Бао Дает, французское

правительство направило в феврале 1947 года во Вьетнам своего представителя Боллаэрта, перед которым была поставлена задача вступить с ним в переговоры и добиться поставленной цели. Неожиданно для французской стороны переговоры затянулись почти на полтора года. Дело в том, что в эту политическую игру вмешался Вашингтон, который тоже вознамерился иметь в лице Бао Дая «своего человека» во Вьетнаме, приобретавшем в послевоенную эпоху стратегическое значение для США. В свою очередь Бао Дай, стремясь заручиться возможно более широкой поддержкой вьетнамских националистических кругов, настаивал на том, чтобы Париж хотя бы в словесной форме признал независимость Вьетнама.

Наконец, 5 июня 1948 года в живописном заливе Халонг на борту французского военного корабля была обнародована вьетнамо-французская декларация, согласно которой Франция «признавала принцип независимости и единства Вьетнама», но в рамках Французского союза. Через несколько месяцев, 8 марта 1949 года, в Елисейском дворце в Париже состоялась официальная встреча бывшего вьетнамского монарха с президентом Франции Венсаном Орионом, по результатам которой был подписан «Елисейский договор» о признании Францией Вьетнама во главе с Бао Даем независимым, единым государством в рамках Французского союза, но без права самостоятельного осуществления внешнеполитических акций. Соглашение «Бао Дай — Ориоль», по существу, превращало Вьетнам во французскую колонию нового типа.

Жизнь продолжается

Когда Винь Тхюи в качестве советника правительства почти целый год жил в Ханое один, он, уже не скрываясь, ходил по ночным клубам, и однажды его познакомили с красивой танцовщицей по имени Монг Диеп. Через несколько месяцев после его отъезда в Чунцин она родила ему дочку Фыонг Тхао. После начала войны Соппротивления Монг Диеп оставалась в Ханое, и, когда французские войска вошли в столицу, ее арестовали как «агента» Вьетминя, перед которой якобы была постав-

лена задача «удерживать» Бао Дая на стороне революционных сил. Узнав в Гонконге о том, что Монг Диеп родила ему дочку, но находится в тюрьме, Бао Дай написал гневное письмо французским властям, и те приняли решение выпустить ее из тюрьмы. Когда после подписания соглашения с президентом Франции Бао Дай вновь приехал в курортный Далат, он вызвал туда и Монг Диеп. Они жили в особняке, купленном им вьетнамскими монархистами, которые были рады снова видеть бывшего императора «главой государства Вьетнам».

В 1950 году, когда Бао Дай утвердился на новом посту, он вызвал в Далат и Нам Фыонг с детьми, которые жили в другом особняке, предоставленном государством. Как и прежде, Бао Дай много времени проводил в своем любимом Банметхуоте, вокруг которого находились самые «прикормленные им» охотничьи места. Кроме того, ему часто приходилось бывать и в Хюэ, где проживали его мать Ты Кунг и другие царственные родственники. В ту пору дороги между четырьмя городами — Сайгоном, Далатом, Банметхуотом и Хюэ, естественно, были не лучшего качества, поэтому, по просьбе «главы государства», французские власти построили небольшой аэродром близ Банметхуота, и Бао Дай, к большой его радости, стал перемещаться между четырьмя городами на самолете.

Монг Диеп была не только красавицей, но и, в отличие от Нам Фыонг, была воспитана на древневьетнамских традициях, в частности, на уважении культа предков. Благодаря этому, она быстро пришлась по душе Ты Кунг, которая одаривала ее женскими императорскими одеяниями и рассчитывала, что Монг Диеп может стать хорошей младшей женой ее сына. Кроме того, Монг Диеп также увлекалась охотой, умело ездила верхом не только на лошади, но и на слонах, очень метко стреляла, поэтому теперь Бао Дай делал вылазки в джунгли, как правило, в сопровождении новой подруги. Живя с Бао Даем, Монг Диеп родила ему еще двух сыновей — Бао Хоанга (1954 г.) и Бао Шона (1955 г.).

Тем временем ситуация во Вьетнаме медленно, но верно менялась в пользу патриотических сил, возглавляемых правительством Хо Ши Мина. В январе 1950 года была прорвана ме-

ждународная изоляция ДРВ — республика получила дипломатическое признание со стороны Советского Союза, Китайской Народной Республики и стран народной демократии. Хо Ши Мин так оценил это крупное достижение: «Демократическая Республика Вьетнам признана равноправным государством великой семьи всемирного лагеря демократии... Несомненно, что эта политическая победа явится залогом будущих военных побед»⁴².

Слова Хо Ши Мина оказались пророческими. К концу октября 1950 года весь северный район Вьетнама, граничащий с Китаем, был освобожден от колонизаторов. ДРВ получила прямой выход к странам социалистического лагеря и стала получать от них военную и экономическую помощь. В феврале 1954 года Народная армия Вьетнама завершила окружение французского экспедиционного корпуса на северо-западе ДРВ и 7 мая близ селения Дьенбьенфу многомесячная битва завершилась сокрушительным поражением интервентов — были взяты в плен командующий корпусом Де Кастри со своим штабом и более 16 тысяч его солдат и офицеров.

Хотя в длительной войне Сопротивления Бао Дай фактически выступал на стороне колонизаторов, тем более что армия и полиция «государства Вьетнам» широко использовалась французами в борьбе против сил Хо Ши Мина, однако он также стремился внести свой посильный вклад в борьбу за независимость Вьетнама. Так, он дважды, в 1952 и 1953 годах, ездил в Париж и встречался с президентом Франции. В ходе обеих встреч он не только обсуждал с ним ситуацию во Вьетнаме, но и пытался подтолкнуть руководство Франции к прекращению войны в Индокитае.⁴³

Поражение при Дьенбьенфу определило участь колониальной политики Франции в Индокитае. 20 июля 1954 года созванное по инициативе Советского Союза международное совещание с участием делегации ДРВ завершилось подписанием Женевских соглашений — под таким названием они вошли в мировую историю — о прекращении войны и восстановлении мира в Индокитае. В соответствии с соглашениями в целях перегруппировки противоборствующих сил Вьетнам был временно

разделен на две части демаркационной линией вдоль 17-й параллели, которая не рассматривалась участниками совещания как политическая граница. Северная часть страны полностью переходила под контроль правительства Хо Ши Мина, южная — оставалась под контролем «главы государства» Бао Дая и премьер-министра Нго Динь Зьема. Соглашения предусматривали проведение в июле 1956 года всеобщих демократических выборов на всей территории Вьетнама с целью решения проблемы воссоединения страны.

Женевские соглашения открыли перед вьетнамским народом реальную возможность осуществления мирным путем, политическими средствами национально-демократических задач, поставленных на повестку дня Августовской революцией, и восстановления ДРВ в тех ее границах, в которых она была провозглашена 2 сентября 1945 года. Однако такое развитие событий не отвечало интересам правящих кругов США, которые с уходом Франции приступили к прямому вмешательству в дела Вьетнама. Естественно, для достижения поставленных целей Бао Дай — прямой французский ставленник, да к тому же замаранный сотрудничеством с японскими милитаристами, был неподходящей фигурой. Ставка Вашингтоном была сделана на Нго Динь Зьема — крупного помещика, главу мощного католического клана, известного своими антифранцузскими и антивьетминевскими настроениями.

В марте 1955 года, опираясь на поддержку США, Нго Динь Зьем распустил баодаевскую армию и разгромил военные отряды политико-религиозных сект Биньсюен, Каодай и Хоахао, сохранявшими верность Бао Даю и Франции. Бао Дай, находившийся в это время в Париже, направил в Сайгон срочный указ о лишении Нго Динь Зьема поста премьер-министра, но было уже поздно. 23 октября 1955 года Зьем организовал в Южном Вьетнаме референдум о форме правления и главе государства, по результатам которого 98 % участников проголосовали за республику и признание Нго Динь Зьема ее главой.⁴⁴ Это был поистине профессионально срежиссированный бескровный переворот, в результате которого Бао Дай во второй раз «потерял престол».

Лишившись неожиданно поста «главы государства Вьетнам», Бао Дай круто изменил и свою личную жизнь — он практически порвал связи с семьей и стал жить с Монг Диеп в Париже. Оставшись без зарплаты и пособий от южновьетнамских властей (французское правительство выплачивало ему ежемесячно 10 тысяч франков, а к концу его жизни увеличило эту сумму до 17 тысяч), он вынужден был продать особняк в Каннах, являвшийся собственностью вьетнамской монархии. Вырученные деньги позволили ему вести разгульную жизнь в рестораниках и ночных клубах Монмартра и Латинского квартала, в результате чего он заслужил в те годы среди простых вьетнамцев звание «короля парижских кабаков».

Что касается Нам Фыонг, то она с 1952 года постоянно жила вместе с детьми во Франции и лишь изредка появлялась в компании Бао Дая на особо важных встречах и приемах. Когда их дети выросли и разъехались в разные города на учебу, Нам Фыонг переехала в небольшую деревню Шабриньяк, в 30 километрах от города Брив-ля-Гайярд, почти в самом центре Франции, где у монаршей семьи имелаась давно купленная ферма. Здесь ее регулярно навещали дети, когда им позволяла учеба. В сентябре 1963 года совершенно неожиданно, в результате внезапного сердечного приступа, Нам Фыонг скончалась в возрасте 49 лет, который во Вьетнаме фаталисты называют роковым возрастом.

Бао Дай успел приехать на ее похороны и даже сумел привезти очень дорогой гроб из досок древнего дуба. Ее похоронили на католическом кладбище деревни Шабриньяк. И сегодня на ее могильном памятнике можно прочесть эпитафию: «ICI REPOSE L'IMPERATRICE D'ANNAM NEE JEANNE MARIETTE NGUYEN HUU HAO» («Здесь покоится Императрица Аннама, урожденная Жанна Мариэтта Нгуен Хыу Хао»).

До преклонного возраста Бао Дай оставался ловеласом, поэтому и Монг Диеп не смогла надолго удержать его подле себя. Однажды друзья пригласили его в посольство Заира в Париже, где он познакомился с пресс-атташе французенкой Моник Бодо. Хотя она была моложе его на 30 лет, но не смогла устоять перед чарами бывшего монарха. В 1982 году они официально

зарегистрировали свой брак, при этом произошло то, чего очень хотела Нам Фыонг, но так и не смогла добиться — французенка поставила условием брака, чтобы Бао Дай принял католичество. Что последний и сделал: в 1988 году в парижском соборе Saint-Pierre-de-Chailot произошла, согласно католической традиции, церемония отпущения грехов «вьетнамскому буддисту» и было дано ему католическое имя Jean-Robert.

15 лет Бао Дай и Моник Бодо, прожили, как утверждают его биографы, в любви и согласии. В начале 1997 года, вернувшись в Париж после поездки в США, Бао Дай неожиданно почувствовал себя плохо и был доставлен в знаменитый военный госпиталь Val de Grace, в котором с давних пор лечилась французская элита. Однако, несмотря на все усилия врачей, престарелый бывший вьетнамский монарх скончался 1 августа 1997 года на 84 году жизни.

Французское правительство организовало пышные похороны, достойные монарха бывшей колонии Франции. Он был похоронен на католическом кладбище Passy в 16 округе Парижа. Похоронную процессию возглавлял французский офицер с национальным флагом в руках, а по обеим сторонам гроба с телом покойного шествовали шеренги французских солдат в белых мундирах и с карабинами с примкнутыми штыками. Помимо французских официальных лиц, в траурной церемонии приняли участие дети покойного, впервые за несколько последних лет вновь собравшиеся вместе, — наследный принц Бао Лонг и три принцессы, последняя жена покойного Моник Бодо, а также 90-летняя сестра покойной Нам Фыонг.

Когда в Ханое было получено известие о кончине последнего императора Вьетнама Бао Дая, министерство иностранных дел СРВ направило его близким телеграмму соболезнования. Кроме того, на похороны был прислан траурный венок от Отечественного фронта Вьетнама. Тем самым новый, социалистический Вьетнам выразил чувства скорби и искренней солидарности в отношении памяти последнего императора страны.

Один из главных авторов жизнеописания Бао Дая, которое выгодно отличается от других полнотой и конкретностью наи-

более важных исторических событий и дат, связанных с его жизнью, Ли Нян Фан Тхы Ланг такими словами подводит итоги его жизни: «Бао Дай — это последний король вьетнамской династии Нгуенов, последней великой феодальной династии нашей страны. В 1945 году Бао Дай отрекся от престола, потому что победила Августовская революция вьетнамского народа. Следуя с первых же дней после создания независимого вьетнамского государства политике великой национальной солидарности и традициям великодушия и милосердия, Президент Хо Ши Мин и правительство Демократической Республики Вьетнам предложили бывшему императору пост верховного советника правительства, чтобы сообща нести на своих плечах решение дел молодого государства. Возможно, это был единственный в мировой истории случай подобного рода. Очень жаль, что Бао Дай в конечном счете не смог правильно оценить этот жест доброй воли»⁴⁵.

Примечания

¹ Tap chí «Nghiên cứu lịch sử» (ж-л «Изучение истории»), № 144, 1972, с.13—15.

² «Hồi ký của Vũ Kỳ, The ký ghi, «Bác Hồ viết di chúc» (Воспоминания Ву Ки, записал Тхе Ки, «Дядя Хо пишет Завещание»), Ханой, 2008, с. 58.

³ Hoàng Trọng Miên, Cuu hoàng Bao Dai (Хоанг Чонг Миен, Бывший император Бао Дай), Ханой, 2011, С. 29—30.

⁴ 36 улиц древнего Ханоя — один из главных исторических символов столицы. Это были в старину торговые ряды, поэтому каждая улица до сих пор носит название тех товаров, которые на них изготавливались и продавались — улицы Шелковая, Барабанов, Рыбная и т. п.

⁵ Цит. по: Hôhng Na, Tuổi thanh nika của Hồ, Hà Nội, 1976. Tr. 141.

⁶ Ly Nhan Phan Thu Lang, Giai thoại và sự thật về Bao Dai, Vua cuối cùng Triều Nguyễn (Ли Нян Фан Тхы Ланг, Мифы и правда о Бао Дай, последнем монархе династии Нгуенов), г. Хошимин, 2007, с. 30.

⁷ Хо Ши Мин, Сочинения, Ханой, 1971, с. 245—246.

⁸ Daniel Grandclement, Bao Dai hay những ngày cuối cùng của vương quốc An Nam (Даниэль Гранклеман, Бао Дай, или последние дни империи Аннама), Ханой, 2009, с. 20.

⁹ Там же, с. 26.

¹⁰ Все вьетнамцы, работавшие в Коминтерне или учившиеся в его политических учебных заведениях в Москве, как правило, использовали русские фамилии в качестве своей партийной клички.

¹¹ Архив сыскной полиции в Фонтенбло (досье архива «Русские»). Цит. по: Daniel Grandclement, Bao Dai..., с. 27.

¹² Там же, С. 23—24.

¹³ H.L. Crauclaude, Những thời kỳ trong đại của nước VN trong lúc hồi huan (Х.Л. Кроклод, Великие времена Вьетнама в период, когда вернулась весна), Ханой, 1935, с. 39.

¹⁴ Ung Trinh, Viet Nam Ngoại giao sử (can đại), (Ынг Чинь, История дипломатии Вьетнама (новейшая), Сайгон, 1970, с. 129.

¹⁵ Горный курорт на Юге Вьетнама на высоте около 2000 метров, где средняя годовая температура — около 20 градусов.

¹⁶ Ly Nhan Phan Thu Lang, Nam Phuong, hoàng hậu cuối cùng Triều Nguyễn (Ли Нян Фан Тхы Ланг, Нам Фыонг, последняя императрица династии Нгуенов, г. Хошимин, 2008, с. 45.

¹⁷ Ly Nhan Phan Thu Lang, Giai thoại và sự thật về Bao Dai..., С. 84.

¹⁸ Ly Nhan Phan Thu Lang, Nam Phuong... с. 61.

¹⁹ Pham Khac Hôe, Từ triều đình Huế đến chiến khu Việt Bắc (Фам Кхак Хоэ, От династии Хюэ до военной зоны Вьетбак), Ханой, 1983, С. 93.

²⁰ Daniel Grandclement, Bao Dai..., с. 151.

²¹ Там же, С. 153.

²² Там же, С. 154.

²³ Giao su Tran Van Giau, Tong Tap (Проф. Чан Ван Зяу, Полное собрание сочинений), Ханой, 2007, с. 956—957.

²⁴ Hồi đáp Lịch sử Việt Nam (Вопросы и ответы по истории Вьетнама), том 6, г. Хошимин, 2009, с. 320.

²⁵ Nguyen Ky Nam, Hồi ký lịch sử 1945—1954 (Нгуен Ки Нам, Исторические мемуары 1945—1954), Сайгон, 1964, с. 113.

²⁶ В начале 1941 года после 30 лет эмиграции Нгуен Ай Куок (Хо Ши Мин) тайно вернулся на родину. По его инициативе был созван VIII пленум ЦК Компартии Индокитая, на котором было принято ис-

торическое решение о создании Mat tran Doc lap Dong minh — Лиги независимости Вьетнама — по сути народного фронта, который в результате Августовской революции 1945 года пришел к власти и стал известен под кратким названием Вьетминь.

²⁷ Ly Nhan Phan Thu Lang, *Giai thoi va su that ve Bao Dai...*, С. 124.

²⁸ Там же, С. 125.

²⁹ Pham Khac Hoi, *Tu trieu dinh Hue den chien khu Viet Bac...*, С. 128.

³⁰ Там же, С. 129—130.

³¹ Интересно отметить, что председателем ревкома города Хюэ стал известный во Вьетнаме революционный поэт То Хуу, который в 1960-е годы играл важную роль в политической жизни ДРВ — являлся секретарем ЦК Партии трудящихся Вьетнама, а затем заместителем премьер-министра правительства ДРВ.

³² Ly Nhan Phan Thu Lang, *Giai thoi va su that ve Bao Dai...*, С. 134—135.

³³ Нгуен Лыонг Банг впоследствии стал первым послом ДРВ в Советском Союзе, а по возвращении на родину был избран вице-президентом ДРВ.

³⁴ Во вьетнамском языке существует весьма разветвленная система местоимений и обращений людей друг к другу, которые обязательно должны учитывать возраст, социальное положение и другие особенности собеседников.

³⁵ «Phai doan vao Hue nhan viec thoi vi cua Bao Dai», *Tap san Nghien cuu lich su* (Поездка делегации в Хюэ для принятия отречения Бао Дая, ж-л «Изучение истории»), Ханой, N 16, 1960.

³⁶ Там же.

³⁷ Относительно веса печати лица, державшие ее в руках, приводят довольно разные цифры. Чан Хюи Льеу вспоминает, что она весила 7 кг, Фам Кхак Хоэ — около 10 кг, а «младшая жена» Бао Дая Монг Диеп (о ней рассказ пойдет ниже) утверждала, что лично взвешивала ее на весах, — 12,9 кг.

³⁸ Ly Nhan Phan Thu Lang, *Giai thoi va su that ve Bao Dai...*, С. 155.

³⁹ В этот день Хо Ши Мин на многотысячном митинге на площади Бадинь в Ханое огласил Декларацию независимости, в которой были такие слова: «Французы бежали, японцы капитулировали, император Бао Дай отрекся от престола. Наш народ разбил цепи колони-

ального рабства... и создал независимый Вьетнам». Хо Ши Мин, *Сочинения* (1920—1969), Ханой, 1971, С. 53.

⁴⁰ Daniel Grandclement, *Бао Дай...*, С. 240.

⁴¹ См. О.В. Новакова, П.Ю. Цветов, *История Вьетнама. Часть 2*, М. 1995. С. 215.

⁴² Хо Ши Мин, *Сочинения...*, С. 102.

⁴³ См. Ly nhan Phan Thu Lang, *Giai thoi va su that ve Bao Dai...*, С. 232.

⁴⁴ См. О.В. Новакова, П.Ю. Цветов, *История Вьетнама...*, С. 223.

⁴⁵ Ly Nhan Phan Thu Lang, *Giai thoi va su that ve Bao Dai...*, С. 270.